

12. Ориген. Против Цельса. Апология христианства. Сочинение Оригена, учителя Александрийского / Ориген ; пер. с гр. Л. Писарева ; отв. ред. Аркадий Ровнер. – М. : Учеб.-инфор. экуменический центр ап. Павла, 1996. – 366 с. – (Серия «Учители неразделенной Церкви»).
13. Сидоров А. И. Курс Патрологии: возникновение церковной письменности : учеб. пос. / А. И. Сидоров. – М. : Русские огни, 1996. – 348 с.
14. Татиан. Речь против эллинов / Татиан ; пер. П. Преображенского // Ранние отцы Церкви. Антология. – Брюссель : Жизнь с Богом, 1988. – С. 369–404.
15. Феофил Антиохийский. К Автолику / Феофил ; пер. П. Преображенского // Сочинения древних христианских апологетов. – М. – СПб. : Фонд Благовест ; Алетейя, 1999. – С. 128–191.

ПРЕДЕЛЫ ТЕХНОГИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА¹

С.А. Храпов
(Россия, Астрахань)

В статье рассматривается комплексная проблема техногизации человека, исходя из современных цивилизационных и социокультурных условий его существования. В качестве центральной темы поднят вопрос о реальном состоянии методологии искусственного интеллекта, проведен ее анализ с учетом классических физикалистских, функционалистских и современных подходов. Особое внимание уделено проблемам онтологического (феноменологического) статуса искусственного интеллекта как технофеномена и тем антропологическим и социокультурным последствиям, которые обостряют вопросы о когнитивной безопасности человека.

This article is considered a complex problem tehnogizatsii person on the basis of modern civilization andits social and cultural conditions of existence of. As acentral theme, raised the question of the real state of the Metodologii artificial intelligence, conducted its analysis in the light of the classical physicalist, functionalist and modern approaches. Particular attention is paid to issues of ontology (phenomenological) the status of artificialintellekta as tehnofenomena and the anthropological and socio-cultural consequences of viyam that exacerbate the cognitive problems of human security.

Ключевые слова: искусственный интеллект, естественный интеллект, физикализм, функционализм, техногизация человека, когнитивная безопасность, социокультурные последствия.

Key words: artificial intelligence, natural intelligence, physicalkalizm, functionalism, tehnogizatsiya human, cognitive security, socio-cultural consequences.

Впервые концепт «искусственный интеллект» был введен в научный дискурс в 1969 г. на Международной конференции в Вашингтоне. На наш взгляд, искусственный интеллект можно обобщенно определить как автоматическую систему, воспроизводящую определенные функции человеческого мышления. В основе методологии искусственного интеллекта лежит информационная концепция, физикалистские и функционалистские теории сознания.

Наибольший парадигмальный разрыв демонстрируют физикалистские и функционалистские концепции искусственного интеллекта. Согласно представителям физикализма, первичными в когнитивной, интеллектуальной деятельности выступают физико-химические свойства, субстрат головного мозга человека, соответственно, футурологические ожидания скорой абсолютной онтологизации искусственного интеллекта могут быть оправданы лишь в случае создания искусственной биологической интеллектуальной системы, а это, учитывая современное состояние биоинженерии, представляется весьма проблематичным.

Представители функционализма придерживаются противоположной позиции, базируясь на принципе возможности моделирования функциональных состояний различных систем, вне зависимости от их внутренних свойств и субстратных состояний. В основе данного моделирования лежат процессы информационной самоорганизации (Д.И. Дубровский).

По сути, современные дискуссии об искусственном интеллекте ведутся между представителями различных интерпретаций функционализма, «жесткой» и «мягкой»

¹ Статья выполнена при поддержке РГНФ Проект № 11-33-00239a1 «Социоантропогенез в эпоху современных высоких технологий: аксиологический, социокультурный, гендерный анализ».

позициями, а также гуманитарно-ориентированными учеными, стоящими на крайней позиции принципиальной невозможности моделирования интеллектуальных процессов, по причине их экзистенциальной природы.

Выделение Дж. Сирлом и рядом других ученых «жесткой» и «мягкой» позиций в исследовании и осмыслении феномена искусственного интеллекта, дало концептуальную возможность более четкого представления о его сути и антропологических и социокультурных последствиях.

Жесткая позиция в исследовании и онтологизации искусственного интеллекта. Жесткая позиция в вопросе о сущности искусственного интеллекта как технофеномена, фактически, определяет его абсолютную онтологизацию. Другими словами, разделяющие данную позицию не видят никаких проблем в создании техническим способом интеллектуальной системы абсолютно идентичной естественному интеллекту и многократной превосходящей его по функциональным возможностям. Причем данному искусственному интеллекту приписываются такие антропологические атрибуты как разум, воображение, понимание.

В философском смысле, данный подход близок к вульгарному материализму Г. Бюхнера и др., в котором свойства сознания и разума сводились сугубо к биологической деятельности головного мозга. Точно также, сегодня проводятся параллели между интеллектуальными возможностями человека и машины. Ясно, что мировоззренческий корень данной дискуссии лежит в вечном споре между идеализмом и материализмом.

Яркий представитель жесткой позиции по отношению к искусственному интеллекту Д. Деннет утверждает, что не только искусственный интеллект, но и человек не обладает первичной интенциональностью (*т.е. тем самым имманентным духовным началом, отличающим человека от всего остального*). По его мнению, миф о первичной интенциональности – один из самых глубоких предрассудков классической философской традиции Запада. Искусственный интеллект оказывается действительно подобным человеческому сознанию, но не в том, что он как и человек обладает первичной интенциональностью, а, наоборот, в том, что человек, как и искусственный интеллект, ею не обладает. Не искусственный интеллект похож на человека, а человек на искусственный интеллект [2].

Данная идеологема (*совершенно неверная, на наш взгляд*) многократно воспроизводится в подобных теоретических и эмпирических исследованиях. Ставший хрестоматийным «тест А. Тьюринга» утвердил принцип изофункционализма систем, суть которого в том, что один и тот же набор функций может быть воспроизведен различными по своим качествам системами. Пока еще сохраняющаяся дистанция между естественным и искусственным интеллектом может измеряться по-разному: как от мозга к компьютеру, так и наоборот. Тот факт, что современные компьютеры выполняют виды интеллектуальной деятельности несравненно лучше мозга – очевиден. Сторонники жесткой позиции по отношению к искусственному интеллекту исходят из огромного количества эмпирического материала и их главный аргумент это количественный рост мощности техноинтеллектуальных систем: компьютеров и роботов (зомби).

Проект «зомби» представляет собой способ философски и футурологически осмыслить ожидаемые нас в будущем процессы техногизации человека. На наш взгляд, данные «перспективы» следует анализировать с учетом двух идеологических оснований: 1) признания абсолютизации технических возможностей (жесткая позиция в интерпретации и онтологизации искусственного интеллекта и техночеловека (зомби); 2) признание незначимости экзистенциальных, интенциональных оснований человеческого бытия а priori не подлежащих техническому моделированию.

Указанный первый аспект достаточно глубоко разработан зарубежными учеными: «Инвертированная Земля» Н. Блока (1990 г.), реанимирующая идею «Земли двойников» С. Крипке (1972 г.), «Земля зомби» Т. Моуди (1982 г.), «Планета орков» С. Брингсйорда (2003 г.). Согласно данному подходу, зомби – это представляемые в мысленных экспериментах «существа», поведение которых внешне ничем не отлича-

ется от поведения людей. Зомби не хуже последних ориентируются в пространстве и времени, разъезжают на автомобилях и обедают в ресторанах, беседуют на любые темы, включая философские, принимают решения в Парламенте, обучают других и совершают моральные акты [1, с. 26–27]. Данные прогнозы и «научные фантазии» подкрепляются конкретными техническими достижениями в области искусственного интеллекта и техногизации человека, в целом.

Сопредседатель научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта Д.И. Дубровский в своей статье приводит обширный обзор современного состояния разработок в области искусственного интеллекта: «Профессор Фумио Хара полагает, что к середине XXI в. роботы будут обладать сознанием и появится новая раса мыслящих существ. Она ознаменует завершение биологического этапа эволюции и переход к новому, более высокому уровню развития – цивилизации трансгуманоидов. ...этому, ...будет предшествовать война между людьми и роботами за господство на Земле, которую начнут и проиграть люди. ...Более мирную картину рисует ... Ханс Морабек: совместная жизнь и симбиоз с роботами приведут к тому, что человек будет постепенно замещать свои естественные органы искусственными и, наконец, вовсе покинет свое брэнное тело, подверженное болезням и дряхлению, приобретет новую, небологическую форму существования.

Наиболее яркая версия такой стратегии принадлежит А. Болонкину: «Биологическое человечество, говорит он, лишь маленькая, начальная ступенька в развитии более высокой электронной цивилизации, которая приведет к созданию еще более сильной цивилизации и, возможно, к созданию некоего Высшего Разума Вселенной, если хотите, Бога». «Человек как личность – это не более (?) чем память, программы, привычки. Перезаписав перед смертью всю эту информацию в чипы, мы дадим ему возможность продолжить существование в новом, электронном облике». ... Сама процедура создания «электронного человека» выглядит так: «Человеческий мозг имеет 10 миллиардов нейронов, которые легко (?) моделируются на компьютере. Как только мы сможем смоделировать все нейроны и научимся переписывать их связи в чипы, человек станет бессмертным» (там же). Автор утверждает: «В 2020–2030 гг. бессмертие станет доступным для жителей развитых стран, а еще спустя 10–20 лет и для основной массы человечества» [3]. Из этой обширной цитаты, которую мы целенаправленно привели, становится ясно, что представители жесткой позиции постоянно количественными оценками: вычислительная мощность компьютера постоянно нарастает, уже построен компьютер в 8 терафлоп, совсем скоро будет создан «суперкомпьютер, мощность которого превзойдет мощность мозгов всего человечества» и т.п. Но, мы полагаем, что это не совсем верный ход мысли, ибо в данном случае количество явно не перейдет в антропологическое качество. В этом смысле, значительным рациональным потенциалом обладает важность осмысления второго аспекта, в котором должен быть решен вопрос о значимости или незначимости духовных (экзистенциальных, интенциональных, сознательных) оснований человеческого бытия.

Все выше перечисленные исследования и проекты исходят из того, что будущий носитель искусственного интеллекта (сверхкомпьютер, техночеловек, зомби, гуманоид и т.п.) не будет обладать сознанием, самосознанием, интенциональностью, т.е. важнейшими атрибутами онтологического статуса человека (Н. Блок, Р. Кирк).

Очевидно, что следование жесткой позиции предполагает принцип несущественности сознания и интенциональности для осуществления интеллектуальной деятельности (Д. Денет, О. Фланаган, Т. Полджер), которая рассматривается, по сути, в узком смысле как набор логически выстроенных мыслительных операций. Данный подход исходит из классической деннетовской позиции о том, что вопрос о возможностях моделирования сознательной деятельности посредством технических средств бессмысленен по причине фактического отсутствия подобных ментальных состояний у самого человека. Соответственно, любая высокоинтеллектуальная деятельность может осуществляться без её осознания, ибо в сознании нет ни метафизической, ни логической, ни лингвистической, ни эмпирической необходимости [2]. Если согласиться с данной жесткой позицией, то пределов в развитии искусственного интеллекта и техногизации человека нет!

На наш взгляд, в данном подходе чрезвычайно упрощенно понимается сущность интеллектуальной деятельности человека и человека вообще. Причем, даже если временно выйти за рамки принципиальных мировоззренческих парадигм «материалистов» и «идеалистов» и подойти к проблеме формально-логически, то становится очевидно, что в системе аргументации представителей жесткой позиции есть ряд упущений, позволяющих сомневаться в ее истинности. Эти упущения связаны не только с феноменологической, но и когнитивной редукцией, что в свою очередь предполагает принципиальное нарушение логических норм технического моделирования, ибо моделирование как воспроизведение (репрезентация) исходного образца базируется на создании идентичной копии, в отличие от предлагаемого Д. Денеттом и его сторонниками, фактически, редукционистского метода – упрощения исходного образца до критериев желаемой копии.

В этом смысле абсолютно верной является позиция Д. Серла, согласно которому: «искусственный интеллект, несмотря ни на какие интенсификации в сфере технологий, никогда не сможет достичь уровня человеческого сознания именно из-за невозможности преодолеть фундаментальный разрыв между первичной и производной интенциональностями. С помощью специальных программ, настраивающих на формальное оперирование символическими образованиями, искусственный интеллект может создавать иллюзии мощнейшей мыслительной активности, многократно превышающей способности человеческого сознания. Результаты такой деятельности искусственного интеллекта оказываются, в самом деле, чрезвычайно полезными для человека. И, тем не менее, у нас нет никаких оснований тешить себя иллюзией существования «братьев по разуму». Искусственный интеллект не мыслит. Вся работа по содержательному наполнению пустых символических структур берет на себя человек, «прикрепляя» последние к внутренним интенциональным содержаниям – подлинным элементам разумной жизни» [6].

Мягкая позиция в исследовании и онтологизации искусственного интеллекта. Выделение мягкой позиции в интерпретации перспектив искусственного интеллекта и техногизации человека, на наш взгляд, является даже более важной чем – жесткой позиции, по причине ее внелогичности и абсурдности. Кроме того, мягкая позиция, рассматривающая искусственный интеллект как эвристический инструмент в исследовании и совершенствовании человеческого интеллекта и познания, является более объективной, чем крайняя точка зрения некоторых религиозно и экзистенциально ориентированных ученых, принципиально отрицающих возможность любых исследований в данной области.

Представители мягкой позиции следуют мысли о том, что создание искусственного интеллекта как инструмента для оптимизации деятельности человека – возможно, и будет, в целом, оправданным и позитивным. Осторожный, мягкий подход к проектам искусственного интеллекта дает концептуальную возможность для более критичного, дифференцированного оценивания их реальности и перспектив, а также антропологических и социокультурных последствий.

Обобщая многочисленные исследования представителей данного подхода (Д. Сёрл, А. Черч, Д.Ф. Люггер, Д.И. Дубровский, П.С. Новиков, А.А. Марков, Э. Пост и др.) можно выразить обобщенную мысль о том, что искусственный интеллект, техночеловек и т.п. будут всегда вторичны по отношению к естественному интеллекту и биологическому человеку, не только по причине акторской позиции последнего, но и по причине принципиальной невозможности технического моделирования целого ряда человеческих свойств и характеристик. Именно данные, не моделируемые черты и состояния человека, являются аргументами в пользу «мягкой позиции» интерпретации и онтологизации искусственного интеллекта и техночеловека.

В качестве таковых аргументов А.Н. Кочергин приводит следующее [4]. 1. Существование алгоритмически неразрешимых задач делает невозможным моделирование творческих мыслительных процессов. К таким задачам относят: распознавание выводимости... установление тождества теории групп ... распознавание эквивалентности слов в любом исчислении. 2. Для моделирования процесса решения задачи его

необходимо формализовать, а поскольку полная формализация невозможна, то решение не всех задач поддается моделированию. 3. Творческие функции мышления не могут быть описаны с помощью математических средств. 4. Моделирование мыслительных процессов возможно лишь в рамках дедукции, т.е. выведения следствий из какой-то суммы знаний, а творческий процесс не ограничивается дедукцией. 5. Можно моделировать лишь решение сформулированной задачи, но не постановку цели и интерпретацию достигнутого результата, которые относятся к числу творческих операций.

С этими аргументами сложно не согласиться. Во всех них анализируется когнитивный аспект проблемы искусственного интеллекта и техногизации человека. При этом сложность интеллектуальной деятельности охватывает более широкие пласты человеческого существования (бессознательные мотивы, алогическое и дивергентное мышление, самосознание и мн. др.), что существенно усиливает позицию о выделении технически моделируемых и немоделируемых свойств и процессов интеллектуальной деятельности человека и его существования в целом. Вполне можно согласиться с Д.Ф. Люггером, который отмечал, что «Быть может, машинный интеллект просто настолько отличается от человеческого, что проверять его человеческими критериями – фундаментальная ошибка» [5, с. 37].

Антропологические и социокультурные последствия абсолютизации искусственного интеллекта. Получив определенное представление о современной методологии искусственного интеллекта как технофеномена, можно перейти к главному вопросу нашей статьи: проблеме техногизации человека. Очевидно, что ход технического развития сегодня определяет основные координаты социоантропогенеза. Тема «искусственного» как сверхценного по отношению к естественному – фактически становится идеологией общественной жизни [7, 8]. В этом цивилизационном контексте исследования в области искусственного интеллекта и антропотехники, даже несмотря на их «жесткую» или «мягкую» интерпретацию, ставят онтологический вопрос о конечности, неком «пределе» данных линий социоантропогенеза или же о снятии любых пределов и ограничений. Причем, последний вариант а priori предполагает факт возможности завершения биологического существования человека и начало его существования как технического существа (технофеномена).

Поставленный в заглавие нашей статьи вопрос о пределах техногизации человека очень широк и ясно, что не предполагает однозначного, в своей правоте, ответа, тем не менее, анализ современного состояния методологии искусственного интеллекта (искусственной личности, искусственного общества) позволил нам прийти к следующим выводам:

- пределы техногизации человека есть, как есть конечность любых процессов и конечность трансформации любых объектов (а человек в данном случае выступает именно как объект);
- пределы техногизации человека, как процесса структурно-содержательной трансформации, моделирования посредством технических средств, определены контурами его бытия (биологическим, психологическим (когнитивным), социокультурным, экзистенциальным);
- наибольшая потенциальность существует у техногизации биологических контуров бытия человека. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования в области биоинженерии, масштаб которых мировоззренчески подкрепляется все возрастающими аксиологизацией техногенного, бодицентризмом и трансоциональностью (Ж. Бодрийяр);
- значительный потенциал существует в техническом моделировании ряда психологических, когнитивных и интеллектуальных процессов. Например, фиксации и сохранения информации, математических расчетов, поведенческой деятельности механического характера. Существуют пределы воспроизведения деятельности высшей нервной системы в области ментальных, экзистенциальных актов (процессы самосознания, бессознательного, творчества);
- социальные составляющие социокультурных контуров человеческого бытия в ближайшее время будут масштабно технологизированы – в этом направлении пре-

делов техногизации нет. Что касается культурных составляющих, большинство из которых имеет феноменальную, иррациональную природу (язык, коллективное и социальное бессознательное, менталитет, темпоритм цивилизационного развития, аутопоэзис, идентичность), то их техногизация не возможна, поскольку современная техническая и математическая методология не имеют методов их познания, а, следовательно, и изменения;

• абсолютными пределами для техногизации являются экзистенциальные контуры человеческого бытия. Причина невозможности их технического воспроизведения лежит в их субъективно-идеальной, феноменальной (трансцендентной) природе. Ни одно *техническое средство* никогда не сможет ментально выразить веру, любовь, рефлексию, дружбу, эмпатию, горе, вражду и т.п., по причине того, что они математически не моделируемы, поскольку иррациональны. Трудно не согласиться с Д.И. Дубровским, который утверждает, что «Человеческая субъективная реальность, сознание не просто некоего эпифеномена мозговых процессов, а выражение специфического, качественно особого уровня и способа переработки, производства и использования информации в самоорганизующейся системе. Поэтому прямые аналогии между мозгом и компьютером нередко оказываются неадекватными. По той же причине субъективная реальность оказывается неуловимой для привычных функционалистских методов, опирающихся на описание внешних действий системы, ее реакций [3].

Каковы же перспективы человека в целом? Решение зависит как раз от выбранной «жесткой» или «мягкой» траектории мышления и технического развития. Обнадеживающие, незыблемые, на первый взгляд, *социокультурные и экзистенциальные контуры (константы) человеческого бытия будут выступать в качестве пределов техногизации интеллекта и человека только до тех пор, пока признают факт их существования, причем ценностного существования, иначе эра зомби неизбежна...*

Список литературы

1. Алексеев А. Ю. Проблема зомби и перспективы проектов искусственной личности и искусственного общества / А. Ю. Алексеев, Т. А. Кураева, А. К. Тумасян // Новое в искусственном интеллекте. Методологические и теоретические вопросы / под ред. Д. И. Дубровского, В. А. Лекторского. – М. : ИИнтеЛЛ, 2005. – С. 26–32.
2. Денет Д. Интенциональность / Д. Денет. – Режим доступа: <http://ase.tufts.edu/cogstudpapers/intentio.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
3. Дубровский Д. И. Новая реальность: человек и компьютер / Д. И. Дубровский // Полигнозис. – 2003. – № 3. – С. 20–32.
4. Кочергин А. Н. Искусственный интеллект и мышление / А. Н. Кочергин // Новое в искусственном интеллекте. Методологические и теоретические вопросы / под ред. Д. И. Дубровского, В. А. Лекторского. – М. : ИИнтеЛЛ, 2005. – С. 53–56.
5. Люгер Д. Ф. Искусственный интеллект: стратегии и методы решения сложных проблем / Д. Ф. Люгер ; пер. с англ. – М. : Вильямс, 2003. – 864 с.
6. Сёрл Д. Сознание, мозг и программы / Д. Сёрл. – Режим доступа: http://socialistica.lenin.ru/analytic/txt/s/searle_1.htm#_ftnref1, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
7. Храпов С. А. Информатизация социокультурной реальности и общественного сознания постсоветской России / С. А. Храпов // Ученые записки РГСУ. – М. : ОРПИ РГСУ, 2010. – № 3. – С. 47–55.
8. Храпов С. А. Техногенные метаморфозы общественного сознания: содержательный уровень / С. А. Храпов // Гуманитарные исследования. – 2011. – № 4. – С. 52–59.

ЕВРАЗИЙСТВО: ФЕНОМЕН И ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА

О.К. Антропов
(Россия, Астрахань)

Евразийство – идеологическое течение, повлиявшее на интеллектуальную жизнь русской эмиграции. Евразийская доктрина стала единственной историософской и общественно-политической концепцией Русского Зарубежья 1920–1930-х гг., которая пережила своих создателей и возродилась вновь в постсоветской, постперестроечной России конца XX – начала XXI в. как альтернатива и коммунизму, и либерализму. Идеи евразийства, связанные с сохранением целостности многонациональной России, раскинувшейся на двух континентах, весьма актуальны в нынешних условиях поиска нового союза независимых государств Европы и Азии вместо распавшегося СССР.